

Вацлав Воровский

Раскол в «темном царстве»

Вацлав Воровский

Раскол в «темном царстве»

«Public Domain»

1903

Воровский В. В.

Раскол в «темном царстве» / В. В. Воровский — «Public Domain», 1903

«Когда вы читаете произведения Островского, когда вы всматриваетесь в изображаемое им «темное царство», вы невольно подмечаете одну характерную черту: есть нечто, объединяющее всю эту массу типов, нечто общее и добрым и злым среди них, и бедным и богатым, и глупым и умным. Как бы они ни разнились по индивидуальным вкусам, положениям, способностям и наклонностям, как бы ни смотрели в частном случае на тот или иной вопрос, всех их объединяет одна общая, психологическая печать...»

© Воровский В. В., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Вацлав Воровский

Раскол в «темном царстве»

Когда вы читаете произведения Островского, когда вы всматриваетесь в изображаемое им «темное царство», вы невольно подмечаете одну характерную черту: есть нечто, объединяющее всю эту массу типов, нечто общее и добрым и злым среди них, и бедным и богатым, и глупым и умным. Как бы они ни разнились по индивидуальным вкусам, положениям, способностям и наклонностям, как бы ни смотрели в частном случае на тот или иной вопрос, всех их объединяет одна общая, психологическая печать. Богатый Кит Китыч и бедный сирота племянник, конечно, очень различно оценивают одни и те же общественные явления, но все их разногласия во взглядах и вкусах покоятся на общей психологической подпочве, на «типичной психологии»¹ данного сословия. Различия отдельных групп этого сословия еще не настолько обострились, самые группы не настолько обособились и индивидуализировались, чтобы выработать самостоятельную характерную психологию, – одним словом, они не приобрели еще резко выраженных классовых черт, а остаются отдельными группами того же замкнутого круга, того же «темного царства». Бедный племянник, случайно разбогатев, очень скоро утратит взгляды времен бедности, ассимилируется с своими богатыми собратьями, станет тем же Кит Китычем и по отношению к ним, и по отношению к своим же бедным племянникам. Точно так же и Кит Китыч, разорившись и обеднев, не утратит своей типичной сословной психологии. Одним словом, среди различных представителей этого «темного царства», как бы ни разнились они по внешним условиям, нет принципиальных противоречий в их миропонимании, они говорят еще понятным им всем языком, хотя, конечно, одни громче, другие тише.

Эта характерная черта героев произведений Островского, или, вернее, того общественного слоя, к которому они принадлежат, еще ярче выступает, если мы сопоставим их с характеристикой другого общественного слоя в ту же эпоху и в той же стране – именно с характеристикой дворянства в повестях Тургенева. В то время как герои Островского живут, радуются и горюют, борются, страдают и гибнут в замкнутом кругу, как бы за какой-то китайской стеной сословной огражденности, у Тургенева мы попадаем в самую середину пресловутого спора «отцов» и «детей», – спора, вынесенного на широко открытую арену общественной жизни, хва-тившего далеко за тесные пределы дворянской среды, ставшего крупным общественным явлением. Дворянские отцы и дети той эпохи расходились не только во взглядах на тот или иной частный вопрос, их разделяло не преходящее различие возраста, способностей, взаимной зависимости, а коренное противоречие «типичной психологии». От основного ядра дореформенного, крепостнического дворянства еще за много десятилетий до эпохи освобождения начали отделяться, частью направо, частью налево, протестующие элементы, сначала поодиночно, потом все большими и большими группами; процесс этот, сдерживаемый в значительной мере неблагоприятными внешними условиями, не дававшими исхода вновь нарождавшимся силам, продолжался и рос в скрытом виде и к концу 50-х годов достиг такого напряжения, что первый внешний толчок превратил всю накопившуюся энергию в широкое общественное движение, направив правую часть на общественное преобразование, известное под названием «великих реформ», левую же – кающееся дворянство – толкнув в ряды «безымянной Руси».

Если вы проследите жизнь и борьбу этих двух направлений между собой, а равно и с породившей их главной массой старого дворянства, и проследите от первых зачатков раскола до наших дней, когда эта борьба все еще не улеглась, – вы увидите, что в процессе этого распада однородного прежде первого сословия в государстве, в процессе этой борьбы отцов и детей, а точнее, может быть, отцов, детей и пасынков, в каждом из вновь образовавшихся

¹ Выражение профессора Овсянко-Куликовского.

слоев развивалась и складывалась особая характерная психология, отличная по существу от психологии отцов, а во многом прямо противоположная и враждебная ей.

Если мы теперь сопоставим сказанное о героях произведений Островского и Тургенева, то невольно возникает вопрос: чем же объясняется столь различное положение обоих сословий – отпорность и замкнутость одного, внутренняя неустойчивость и слабость другого? Лежит ли причина этого во внутреннем строе, в каких-либо особых качествах, присущих каждому из них, или же ее следует искать в более или менее благоприятных внешних условиях? Относительно последнего мы знаем, что внешние условия вообще более благоприятствовали дворянству, предоставляли ему больше возможности и власти обеспечить прочность своего существования, и тем не менее это же дворянство, представлявшее прежде такое же замкнутое солидарное целое, не могло уберечься от раскола. Но мы также знаем, что внутренний строй какого-нибудь общественного слоя только до тех пор представляется крепкой стеной, пока удовлетворяет самосознанию этого слоя, то есть «типичной психологии» его членов. Но лишь только в его кругу возникают потребности и запросы, противоречащие этой «типичной психологии», замкнутый круг ломается, солидарность исчезает. Таким образом, мы должны исследовать, какие силы сдерживают цельность «типичной психологии» данного общественного слоя и какие влияния в силах нарушить эту цельность, вызвать распадение этой психологии. Из такой постановки вопроса следует наше основное положение: существуют известные общественные процессы и явления, обуславливающие ту или другую «типичную психологию», существуют условия, при которых психология эта глубоко проникает данные общественные круги, царя в них безраздельно и безапелляционно: существуют, наконец, условия, которые подкапывают устои этой психологии, выдвигая противоположное ей миропонимание, разрушая существующий общественный слой и создавая новые. Если это положение верно, то и для «темного царства» может прийти момент, когда «отцы» и «дети» перестанут понимать друг друга, когда между ними непроницаемой стеной станет различие их «типичных психологий». И этот момент, по-видимому, наступил. Литература, изучающая и характеризующая быт и нравы «темного царства», развившаяся с легкой руки Островского и составляющая теперь уже целую библиотеку, – обогатилась в последнее время двумя произведениями, разбирающими в той же форме – драматической – наболевший, по-видимому, вопрос: столкновение «отцов» и «детей» в среде «темного царства». Одно «Дети Ванюшина» г-на Найденова, другое – «Мещане» г-на М. Горького. Постараемся же присмотреться к тем условиям, которые могли вызвать это столкновение, и проверим наши выводы по наблюдениям г.г. Найденова и Горького.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.